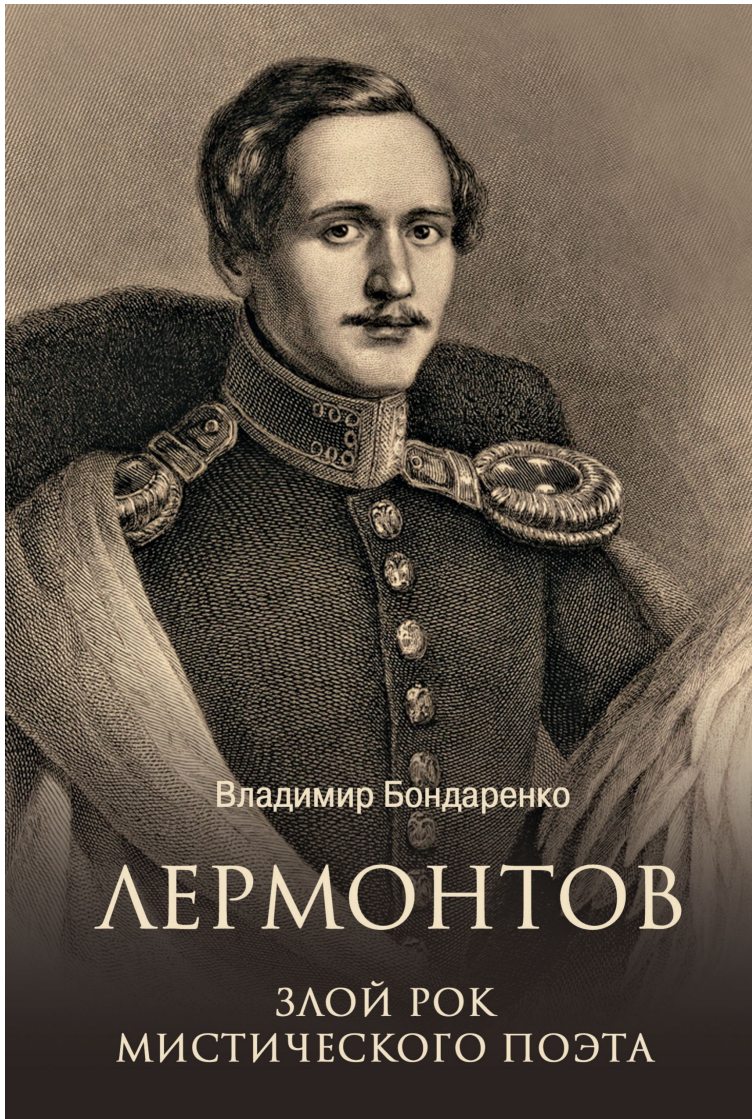

Владимир Бондаренко

ЛЕРМОНТОВ

ЗЛОЙ РОК
МИСТИЧЕСКОГО ПОЭТА

Владимир Григорьевич Бондаренко
Лермонтов. Злой рок
мистического поэта
Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74110162

Лермонтов. Злой рок мистического поэта / Владимир Бондаренко:

Вече; Москва; 2026

ISBN 978-5-4484-5998-6

Аннотация

Прошло почти два столетия с того дня, когда у горы Машук был убит великий русский поэт, национальный гений Михаил Юрьевич Лермонтов. В новой книге о нем, пожалуй, впервые за 200 лет рассказано о мистических корнях поэта, идущих от его древних предков, и содержится столько интригующего, что она наверняка заинтересует и маститых литераторов, и самого широкого читателя.

Исследование известного критика и публициста Владимира Бондаренко, в отличие от многочисленных беллетризированных семейно-бытовых биографий, затрагивает важнейшие проблемы бытия и раскрывает основу жизненной позиции Лермонтова, сурово противостоящего и светской власти, и духовной, и нормативно-бытовой. Нужен ли был властям такой вольный поэт?

Почему современники поэта считали дуэль убийством, а иные современные лермонтоведы оправдывают Мартынова? Почему молчание о причинах гибели Лермонтова затянулось на целых 30 лет? Василий Розанов писал о «вечно печальной дуэли», Владимир Бондаренко – о «вечно преступной»...

Автор резко выступает против всех мистификаций и сплетен о поэте, для него Лермонтов во всех своих противоречиях, при всей сложности характера – прежде всего величайший национальный русский гений, очень рано осознавший свою трагическую миссию.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Мистический гений	6
Шотландские струны Лермонта	37
Чухломские корни Михаила Лермонтова	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владимир Бондаренко Лермонтов. Злой рок мистического поэта

Серия «Лучшие биографии»

© Бондаренко В.Г., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Мистический гений

Почему я считаю Михаила Лермонтова ныне забытым поэтом? Книжки какие-никакие выходят, на Лермонтовский праздник поэзии в Тарханы приезжает до двадцати тысяч человек. Даже наш президент за 12 лет правления если и процитировал кого из поэтов, так исключительно Михаила Лермонтова. И всё же упоминают о нем крайне редко, в популярных ныне сериях мировых классиков его книги не выходят.

Мнение о нем даже в литературной среде или негативное, или какое-то сомнительное. Мол, погиб, и поделом. Белла Ахмадулина интуитивно заметила: «Что делать, если в схватке дикой / Всегда дурак был на виду, / Меж тем, как человек великий, / Как мальчик, попадал в беду?» Нынче в нашей культуре наступило время дураков, и потому признать величие русского национального гения никто не хочет. Кроме узкой прослойки понимающих и ценящих его людей.

Михаил Лермонтов верил, что, будь на месте Дантеса русский, Пушкин был бы жив. Но убил его обыкновенный русский пошляк, хоть и звали его Николай Соломонович. Убил намеренно и хладнокровно, зная, что ответного выстрела не будет. А ныне если и пишут о той дуэли у горы Машук, то, как правило, оправдывая во всем Мартынова. Увы, пока на дворе время Мартыновых, Лермонтов и будет оставаться за-

бытым гением. Будто о нашем времени поэт писал: «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...» Разве не так? «К чему глубокие познания, жажда славы, / Талант и пылкая любовь свободы, / Когда мы их употребить не можем?»

Один из моих любимых современных поэтов, Глеб Горбовский, пишет о Лермонтове:

...Мать-Россия,
сколь много в веках твоих зла,
сколько в душах холодных – гнетущего пыла!
...Небывалого
миру птенца родила,
а когда он до неба поднялся, – убила...

И на самом деле, из великих русских поэтов нет ни у кого более жестокой и безжалостной судьбы, как у нашего национального гения Михаила Юрьевича Лермонтова. И почему наша родина так сурова к своим сыновьям? Ему неуютно было и при жизни, и после трагической кончины. Казалось бы, России дан был как небесный дар столь яркий поэтический гений. Если он уже к двадцати шести годам успел создать столь много гениальных творений, сколько же он написал бы к сорока, к шестидесяти годам? Многие исследователи, завороженные его мистикой, писали и пишут о предчувствии скорой смерти, об осознанной кратковременности его земного бытия. Да, поэт часто писал об уготованной гибели. Но столь же часто он писал и о жажде жизни. Его литератур-

ные планы были сверстаны на десятилетия вперед. Стал бы человек с суицидальным мышлением задумывать романы о кавказских войнах, стремиться в Персию, в Хиву, в дальние путешествия?

Более того, поразительно, что в самых кровопролитных сражениях, как на реке Валерик, пуля и штык обходили его стороной. Он уже сам казался себе неуязвимым.

И на дуэль со своим героем Грушницким (в роли которого выступил Мартынов) смотрел, как на литературную игру. Мол, хватит того, что я его убил в своем романе, а в жизни стрелять в него не буду, пусть живет. Только Грушницкий думал иначе.

Лермонтов и на свои столкновения и конфликты с сослуживцами, с командирами, с высшим светом смотрел с иронией. Не умел ненавидеть всерьез. Острил, иногда едко насмеялся, писал колкие стихи и рисовал карикатуры, но делал это беззлобно. В ответ и жизнь, и близкая родня, и многие друзья и сотоварищи, и высшее начальство, вплоть до самого императора Николая I, обрушивали на него лавины гнева и жестокосердия. Так продолжалось и спустя десятилетия, столетия после смерти, вплоть до наших дней.

На столетие со дня рождения поэта началась Первая мировая война. На столетие со дня гибели началась Великая Отечественная война. Близкими, казалось бы, людьми уничтожались рукописи и рисунки поэта. Дом, где он родился, прямо у Красных Ворот, снесли, в годы перестройки

на волне лютого антисоветизма первым делом переименовали станцию метро «Лермонтовская». При этом оставили и «Площадь Революции», и «Бауманскую», и даже станцию имени цареубийцы «Войковскую». Кто же из больших людей за этим стоял? Кто был инициатором этого злодеяния? Назвали станцию «Красные Ворота», но, естественно, сами Красные Ворота никто и не думал восстанавливать. Будто в стародавние времена создания Красных Ворот существовало метро. Будто кто-то помнит из миллионов москвичей об их происхождении. А вот Лермонтова, может, многие уже и не читали, но имя, фамилию знают. За что же унизили гениального русского поэта?

Это «забывание» Лермонтова стало уже как бы привычным. В лермонтоведении появилась мода на полное оправдание Николая Мартынова. Во всем убийца был прав, да и кто такой был этот нахальный офицеришка Лермонтов? Никто и знать не знал никаких его стихов. Почитайте книги А.В. Очмана или В.А. Захарова, мэтров лермонтоведения, и подивитесь их восхвалениям Мартынова.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
ДЕРЖАВИН

Памятник М.Ю. Лермонтову в Москве, у станции метро Красные Ворота (с 1962–1986 гг. – Лермонтовская)

Во-первых, по поводу того, что в 1841 году якобы никто и знать не знал гениального русского поэта Михаила Лермонтова, я просто обращаю внимание читателей на то, что вся литературная русская критика тех времен, самых разных направлений, от Виссариона Белинского до Фаддея Булгарина, во всех литературных журналах и альманахах России писала о лермонтовских шедеврах, непрерывно велись дискуссии о его творчестве, он уже где-то с 1837 года, несомненно, был в центре литературной жизни России.

Во-вторых, если стать на точку зрения нынешних лермонтоведов, превращающихся в мартыноведов, о незнании русским дворянством первой половины XIX века имени поэта Лермонтова, то надо признать полное невежество всей якобы высокой дворянской культуры. Если для всех этих князей и баронов Михаил Лермонтов был мелким, ничего не значащим офицеришкой, значит, они вообще не знали и не понимали русской литературы и не интересовались ею. Вот государь Николай I, хоть и недолюбливал поэта, но читал и его «Героя нашего времени», и его стихи. Государь знал, главный жандарм Бенкендорф знал, генерал Ермолов знал, Шевырев и Бурачок, Белинский и Булгарин, все ведущие литературные критики и публицисты России, славянофилы и западники, непрерывно обсуждали его творчество, поража-

лись его прозрениям, а вот светское окружение, придворные дамы, даже его многие якобы приятели якобы не знали ничего о великом даре поэта и не догадывались о бессмертии его стихов, его прозы. А ведь всё лучшее было к тому времени уже опубликовано. Принижая этого офицеришку, дворянство на самом деле принижало самое себя, демонстрировало полное невежество российской знати. Приведу несколько высказываний достаточно близких ему людей.

К примеру, Александр Арнольди, служивший вместе с поэтом в 1838 году в Новгороде, затем общавшийся с ним уже перед гибелью поэта в Пятигорске, заявлял: «Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком... Мы все, его товарищи-офицеры, несколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов... не Мартынов, так другой кто-нибудь...» На Лермонтова осознанно натравливали то молодого офицера Лисаневича, то кого-нибудь еще, того же Мартынова. Лисаневич отказался, заявив: «Чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»

Об отказе Лисаневича от дуэли с поэтом рассказал первому биографу Лермонтова Павлу Александровичу Висковатову (Висковатову) граф Николай Павлович Граббе. Обращу внимание, что этот рассказ, подтвержденный позже и Эмилией Шан-Гирей, осознанно выпадает из почти всех поздних исследований его биографии. Он явно мешает оправданию

убийцы поэта Николая Мартынова. Ныне господствует версия, что убивали на дуэли какого-то сварливого ядовитого офицеришку, и по всем правилам чести нельзя было Мартынову отказаться от дуэли.

И якобы никто тогда не представлял, какого великого поэта вновь убивают на дуэли. Даже еще один вроде бы товарищ Лермонтова, князь Васильчиков, на вопрос Висковатого: «А были ли подстрекатели у Мартынова?» – отвечает: «Может быть, и были, мне было 22 года, и все мы тогда не признавали, что такое Лермонтов. Для всех нас он был офицер-товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры...»

Может и на самом деле никто не понимал, кроме столичных литературных критиков и русских писателей, кем уже тогда, при жизни, был Михаил Лермонтов? Почему же сразу после смерти в том же Пятигорске в июле 1841 года тот же князь Васильчиков писал своему другу: «Жаль его! Отчего люди, которые бы могли жить с пользой, а может быть, и с славой, Пушкин, Лермонтов, умирают рано, между тем как на свете столько беспутных и негодных людей доживают до благополучной старости?...» Значит, понимали, кто убит, но помалкивали. А позже стали сочинять сомнительные версии о защите чести сестры Мартынова, о якобы вскрытом Лермонтовым письме сестры, как-то не сообщая читателям, что между истинной или мнимой историей с письмом и самой дуэлью прошло несколько лет. Мартынов и Лермонтов все

эти годы часто общались, вместе обедали, никогда не вспоминая об этом эпизоде.

Мне интересно, почему нынешние исследователи, не имея никаких новых фактов, отклоняют убедительную логику биографа поэта Павла Висковатого и начинают дружно искать любые доводы в поддержку Николая Мартынова. Будто появились новые доказательства причин дуэли или характера дуэли? Никто уже ничего и никогда не найдет. Всё, что написано в первые же годы после его смерти, и дает подлинную картину происходящего.

Я опровергаю ложное мнение, что при жизни Лермонтова в России еще не был ясен масштаб его поэтического гения. Не лучше ли все-таки читать воспоминания и анализировать мнения умных его современников. Генерал Павел Христофорович Граббе, один из военачальников на Кавказе, пишет сразу после гибели поэта своему подчиненному полковнику Траскину: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом – десять пошляков преследуют его до смерти. Что касается до его убийцы, пусть наместо всякой кары он продолжает носить свой шутовской костюм...» Еще более резко высказался покоритель Кавказа, знаменитый генерал Ермолов: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не от-

делался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!» Поэт, князь Петр Андреевич Вяземский уже как бы от имени русских писателей добавил: «...в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Луи Филиппа. Вот второй раз, что не дают промаха...»

На фоне нынешнего всеобщего сочувствия к несчастному Мартынову такие высказывания защитников чести великого русского поэта многого стоят. За что же столетиями летят стрелы ненависти, осуждения и зависти со стороны его никогда не умолкающих противников? За что в самой России вечно не любят русских гениев? Что натворил такого 26-летний юноша, что до сих пор книги даже лермонтоведов переполнены высказываниями, мол, он сам заслужил эту смерть? Ладно, юноши из его светского окружения могли, подобно каким-нибудь нынешним футбольным фанатам, сказать, что он нарушал их светские «понятия», жил не по понятиям. Но когда эту же версию поддерживают сейчас седовласые профессора и доктора наук, я хочу спросить: что такого запретного и скандального сделал юный гений? Почему после его гибели все умные современники писали о ничтожности и даже сомнительности повода для дуэли, а спустя полтора столетия, без всяких новых доказательств, стали охотно говорить о невозможности иного исхода? Почему именно современники поэта и писали об откровенном убийстве поэта, заранее сообщившего, что он стрелять не будет, а сейчас все ищут

повод доказать невиновность Мартынова?

Как откровение пишут, мол, в 1939 году княгиня С.Н. Васильчикова предоставила какую-то неопубликованную выдержку из старческих воспоминаний своего мужа, всего лишь сына секунданта Лермонтова на дуэли. И будто бы этот дряхлый сын дряхлого секунданта написал о том, что будто бы отец когда-то рассказывал ему, и он твердо запомнил, вся дуэль произошла из-за того, что Лермонтов, подняв дуло пистолета вверх, громко сказал, так, что Мартынов услышал: «Я в этого дурака стрелять не буду». И это переполнило чашу терпения, и честный Мартынов вынужден был по правилам чести стрелять в, по сути, безоружного поэта. Обозвал кого-то дураком, значит, тебя надо убивать. Логика железная. А если я всех сторонников этой логики обзову полными идиотами, они тоже все дружно будут стрелять в меня?

На мой взгляд, со своим вольнолюбием и презрением ко всей этой светской черни, Михаил Юрьевич Лермонтов, задолго до французских поэтов Бодлера, Верлена или Рембо, стал у нас в России «проклятым поэтом». Ненавидевший и презиравший окружающих его светских пошляков, гением своим и шотландским родовым мистицизмом обреченный на постоянное одиночество, он и был самым настоящим «проклятым русским поэтом». Кого-то он, не стесняясь, проклинал, многие его открыто проклинали, и при жизни, и после смерти. По своим взглядам жизненным он был, скорее, убежденным консерватором и монархистом, но с юных лет,

по какому-то роковому жребию, он был носителем самых революционных перемен.

Вырывая из контекста его строчки, его широко использовали в своих целях монархисты и революционеры, анархисты и реакционеры, националисты и русофобы. В целом же поэт не принадлежал никому, даже не принадлежал самому себе. С юных лет, я убежден в этом, им управляла некая надмирная космическая звездная сила. Он сам всю жизнь боролся с ней, то побеждая, то отступая.

Даже император Николай I, надо отдать ему должное, понимал силу его дарования, в то время как многие ближайшие приятели Лермонтова по застольям и гулянкам видели в нем лишь препустого человечешку. Со стороны он казался рельефнее и значимее, вблизи он никого не подпускал к себе, умело играя и притворяясь почти со всеми. Тот же Арнольди, его сослуживец, писал: «Он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество перьев, наломает карандашей и напишет несколько строк. Ну разве это поэт?»

И на самом деле, с юности он был увлечен образом Демона. Сам себя не раз сравнивал с Демоном. Я представляю, какую силу внутри себя самого поэту пришлось преодолеть, чтобы в заключительном варианте объявить своего Демона проигравшимся игроком. Его поэмой «Демон» были

очарованы все придворные дамы, позже весело оправдывавшие Николая Мартынова. «Демона» даже пожелали прочитать члены императорской семьи. Считалось, что недоброжелательное отношение Николая I к Лермонтову было связано чуть ли не с определенной ревностью государя к своей супруге, высоко ценившей все творчество поэта. Впрочем, кто-то из царственных особ стремился прочитать «Демона» лишь потому, что это стало модным. Думаю, вряд ли что поняли...

Парадокс: царственные особы худо-бедно читали, а иные друзья-приятели никак будто бы не желали разглядеть в этом бесшабашном офицере незаурядную личность.

Второй лист автографа-посвящения к поэме «Демон»
с рисунком Лермонтова

Эта поэма «Демон» и доныне – одна из вершин русской и мировой поэзии, которую предстоит разгадывать каждому поколению заново. Уже при жизни были опубликованы или широко ходили по рукам и «Смерть Поэта», и «Демон», и «Герой нашего времени», и «Бородино», и «Ветка Палести-

ны», и пьеса «Маскарад». Что еще нужно этому образованному обществу, чтобы оценить гений своего современника? Не желали видеть, ибо – завидовали.

Да, ему, может быть, было в чем покаяться перед Богом. Немало написал еретических превосходных стихов. Даже оправдывался перед Всевышним:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
<...>
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь¹.

Но с неизбежностью приходит и покаяние, Демон оказывается повергнут в самой душе поэта.

И поэт смиренно вступает на «тесный путь спасенья». Никто из самых воцерковленных русских поэтов за два столетия не написал таких чистых, светлых, православных христианских стихов, какие были созданы Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Что может быть выше:

¹ «Молитва (Не обвиняй меня, Всесильный)» (1829). Здесь и далее стихи и проза М.Ю. Лермонтова цит. по: *Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1979–1981.*

...Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

Когда мне надо взять в дорогу всего лишь одно истинно христианское слово русского писателя, я беру лермонтовскую «Молитву» (1839), чистота и прозрачность которой воистину имеют неземную силу:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Не случайно Константин Леонтьев писал в своих письмах о христианских мотивах в русской поэзии: «У Кольцова, у Пушкина их много, но у Лермонтова больше всех».

В Михаиле Лермонтове поражает какое-то сочетание

твердой мужской силы, неприкрытой отваги, смелости и наивного чувства маленького ребенка, который еще верит в чудо, еще не боится ничего, ибо знает: ничего плохого не будет. В литературе Лермонтов убил своего героя Грушницкого без всякой жалости, в жизни он не стал в него стрелять, мол, пусть живет, дурак. А тот, завистливый пошляк, его, беззащитного, и пристрелил. И не какой-то там варяг, чужеземец, который не мог понять нашей русской славы. Свой же, русский офицер, умеющий ценить поэзию, сам пописывающий стихи и тем более люто завидующий моцартианской легкости лермонтовского гения. Вот и бросаются отчаянно на защиту поэта и его чести русские национальные таланты. Николай Бурляев создал свою патриотическую романтическую киноверсию образа поэта. Юрий Кузнецов, последний гений XX века, писал о мифическом всемирном сознании Лермонтова, проклиная его убийцу Мартынова...

Мне непонятно, почему уже столетия так грубо перечеркивают светлый лермонтовский гений, все ища в нем какие-то колючки, какие-то пакости. А он жил шутя, легко и весело, он весь отдавался и гению своему, и капризам своим. Он не боялся мира, он более глубоко переживал свои внутренние состояния, ища пути к гармонии.

Автопортрет.
Рисунок М.Ю. Лермонтова

Зачем же с рождения навязывать ему лишние тяжести бытия? Зачем вокруг него до сих пор распускаются все эти сплетни, слухи, зачем делать из него злодея? Или вечно не хватает всем недоброжелателям в нем какой-то российской слякоти? Неужто и впрямь чувствуют неизбывную кельтскую шотландскую гордость и тягу к независимости, к вольности, чего в русском человеке часто не хватает? Не случайно он и погиб-то рядом с Шотландкой, поселением, основанным под Пятигорском выходцами из Шотландии.

Но, опять же, с другой стороны, более русского по стихам, по выражению своей русскости в русской поэзии XIX века не найти. Он и был светлым предвестником Сергея Есенина. Еще в юношеских стихах, посвященных Новгороду и мятежному славянину Вадиму Храброму, он настойчиво противопоставляет славянство Вадима чужести, варяжести пришедшего Рурика. В «Бородино» он, несмотря на свое увлечение Наполеоном и любовь к французской литературе, без всякого стеснения называет пришедших французов «бусурманами». С какой детской наивностью он утверждает в стихотворении «Смерть Поэта», что русский человек не смог бы поднять руку на русского гения, даже если бы тот был не прав. «Не мог понять он нашей славы...» Увы, русская дворянская рука его и убила.

Вот что писали его дальновидные современники: «На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а рус-

ской руке было грешно целить в Лермонтова» (П.А. Вяземский). «Не стало Лермонтова! Сегодня (26 июля) получено известие, что он был убит 15 июля в Пятигорске на водах; он убит, убит не на войне, не рукою черкесца или чеченца, увы, Лермонтов был убит на дуэли – русским» (А.Я. Булгаков). «Теперь другой вопрос, как поступить с убийцей нашей славы, нашей народной гордости, нашего Лермонтова... тем более, что он русский... нет, он не русский после этого, он не достоин этого священного имени» (А.П. Смольянинов). Или, как высказался Владимир Соллогуб: «на русское имя» кровавым пятном легла смерть русского гения. Так почему до сих пор не могут понять нашей славы гениального Лермонтова все оправдатели Мартынова и собиратели сплетен и слухов антилермонтовского содержания? Зачем в оправдание Мартынова кинулся и наш всеядный Евтушенко, уже сейчас, в 2012 году, написавший:

«Убитый пулей – не мортирами, несчастья полон своего, зачем он подразнил Мартынова, несчастным сделав и его?»

Впрочем, для Евтушенко несчастны все убийцы русских поэтов: и Дантес, и убийца Рубцова. Он любит жалеть всех разрушителей России.

Зачем вроде бы неплохой исследователь творчества Лермонтова В.А. Мануйлов сохранил курьезную историю, якобы рассказанную тарханским школьником и якобы услышанную им от стариков о том, что настоящим отцом поэта был крепостной кучер? И бабка за деньги сосватала дочку

с отставным капитаном Лермонтовым, дабы прикрыть грех дочери. Зачем Мануйлов написал свою статейку «Лермонтов ли Лермонтов?»? Зачем другой известный лермонтовед, В.А. Захаров, опубликовал позже эту статью и ныне пропагандирует ее?

Впрочем, агрессивный поиск нового отца поэта продолжался весь XX век. Израильский историк Савелий Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещенный со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и опровергни эту глупость. Нет, он пошел дальше нацистов и «обнаружил», что отцом Лермонтова был якобы личный врач бабушки поэта, французский еврей Ансельм Леви. И будто бы с этой версией соглашались и пушкинист Леонид Гроссман, и лермонтовед Ираклий Андроников.

Меняются эпохи, меняются и версии. И ныне в русских же журналах и газетах чеченская литераторша Марьям Вахидова пишет, что настоящим отцом Лермонтова был известный чеченский абрек Бейбулат Таймиев. И потому в сражениях в Чечне все чеченцы так его берегли и не стреляли в него, знали, что он «свой».

А вот самому Михаилу Лермонтову это не мешало лихо сражаться с чеченцами, говорят, немало он и голов снес сво-

ей шашкой в боевых вылазках.

О его отце, Юрии Петровиче Лермонтове, я подробно расскажу в другой главе. Но меня поражают эти сплетни, легко подхватываемые уважаемыми людьми.

Зачем повторяются эти версии о его ничтожестве? Тихо-мирно, но внимание филологов было переключено с Лермонтова чаще всего на Тютчева, как бы занимающего ныне во многих списках вторую позицию. Я ничего не имею против еще одного великого нашего поэта, но каким образом Тютчев оказался выше Лермонтова в табели о поэтических рангах в школьных и вузовских программах? Я уверен, что по всем творческим показателям Михаил Лермонтов намного опережает своего тоже прекрасного сотоварища. Не отсюда ли идет тенденция постепенного «забывания» лермонтовского гения? Не лучше ли заняться как следует текстологией, ибо немалая часть стихотворений Лермонтова была опубликована уже в семидесятые-восемидесятые годы XIX столетия, а то и в XX веке в чьих-то записях, и никто никогда оригиналов многих стихов не видел.

Так и возникла в 1873 году версия о принадлежности Лермонтову стихотворения «Прощай, немытая Россия». Удивительно, нет ни одного оригинала или упоминания современников, ни одного публичного прочтения или обсуждения в личных письмах. И вдруг в разгар нашего нигилизма и народовольчества в нигилистической печати появляется якобы лермонтовское стихотворение. В конце концов, ничего жут-

ко страшного, мог и поэт, разгорячившись, как и Пушкин по поводу страны, в которой ему угораздило родиться, написать нечто резко отрицательное по отношению к власти. Есть же каноническое «Люблю Россию я, но странною любовью...», есть вообще пророческое на столетие вперед и написанное в те же для него творчески напряженные 16 лет:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел...

Так могло бы написаться и «Прощай, немытая Россия». Но, во-первых, уже по уровню совершенства в 1841 году он такие стихи не писал. Во-вторых, опять работа для текстологов – все выражения, образы, сравнения совсем непривычные и никогда у Лермонтова не встречающиеся. В-третьих, как установили наши добросовестные правдоискатели, именно в 70-е годы XIX века поэт-сатирик Д.Д. Минаев употреблял подобную стилистику. Уже в 1989 году наш дотошный Владимир Бушин докопался до всей этой сомнительной истории и предложил ученым перепроверить внимательно авторство стихотворения. А в наши дни академик Н.Н. Ска-

тов в своей блестящей статье к 190-летию Михаила Лермонтова подтвердил: «Все это вновь и вновь заставляет возвращаться (в последний раз это сделал М.Д. Эльзон) к одному из самых известных приписываемых Лермонтову стихотворений:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Как известно, автографа этого стихотворения нет. Что ж – бывает. Но за тридцать с лишним лет не появилось и никаких свидетельств о какой-либо изустной информации: это о лермонтовском-то стихотворении такой степени политического радикализма. Нет и ни одного списка, кроме того, на который ссылается П.И. Бартенев, с чьей подачи и стало известно в 1873 году стихотворение, и который тоже якобы утерян. Кстати сказать, речь в стихотворении о желании укрыться за «стеной Кавказа» в то время как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены. Наконец, главное, – это противоречит всей системе взглядов Лермонтова, все более укреплявшегося в своем ру-

софильстве, которого даже называют русоманом и который пишет (вот здесь-то автограф в альбоме Вл. Ф. Одоевского как раз сохранился): «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна – встал и пошел... и встретил он 37 королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия...»

Так зачем и кому, спустя десятки лет после смерти Михаила Юрьевича, в нигилистической печати понадобилось печатать это якобы лермонтовское стихотворение? Оно скорее пародирует пушкинские строки «Прощай, свободная стихия!». Тем же Минаевым позже была написана пародия на лермонтовскую поэму «Демон», где есть строчки:

«Бес мчится. Никаких помех / Не видит он в ночном эфире: / На голубом его мундире / Сверкают звезды рангов всех...» Вот и появляются опять минаевские «мундиры голубые», которых никогда не было в поэзии Лермонтова. Литературовед А.А. Кутырева, кандидат философских наук, вполне убедительно доказала авторство Дмитрия Минаева:

«Литературоведы, дорожащие своей репутацией, обычно оговаривают отсутствие автографа и никогда не приписывают произведение автору, не имея хотя бы прижизненных списков. Но только не в этом случае! Стихотворение стало каноническим и включено в школьные учебники как шедевр политической лирики великого поэта.

Именно из-за первой строки стихотворение стало популярным, а для некоторых сейчас сверхактуальным... Более сильный литературный аргумент для опорочивания России, чем ссылка на ее национального поэтического гения, трудно придумать...

Давайте спросим себя, что у нас здесь вызывает в первую очередь недоумение и что не согласуется со всеми остальными строчками. Спросим и признаемся: первая строка – «немытая Россия». Воспитанный в дворянской среде, в благородном пансионе при Московском университете, вращавшийся в высших аристократических кругах Лермонтов вряд ли мог писать и говорить «немытая» по отношению к Родине, которой он только что посвятил поразительной силы строки любви. Вполне можно предположить: он не употреблял его и в обиходной среде. Его не было в дворянском лексиконе, а к поэзии оно вообще не имеет никакого отношения. Разве что к пародии, эпиграмме, перепеву. А это уже другая эпоха. Поговорим о ней... Виднейшим представителем сатирико-социальной поэзии 60-х годов, выступавшим против дворянской культуры, противником толпы «ренегатов, кликуш, временщиков и невских Клеопатр» был Д.Д. Минаев... В его сатирах и перепевах не обойден вниманием ни один дворянский поэт: Пушкин, Лермонтов, Майков, Некрасов, Островский, Плещеев, Фет, Тютчев, Тургенев, Бенедиктов. Все попали на его острый язык. Он был ярким и ярым разрушителем дворянской эстетики, как, впрочем, и

Д. Писарев. Стихотворная пародия была ведущим жанром Д. Минаева в области сатиры: издевки, насмешки, журнальная полемика – его любимый стиль... Вульгарный демократический жаргон пародии снижал высокую аристократическую литературу... Вот и получилась минаевская пародия на пушкинское «К морю»:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Сравните: «Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ. / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ».

Постепенно (и особенно теперь, в наше время) мистификация, которой увлеклись публикаторы пародии, превратилась в фальсификацию, работающую на противников России...»²

Надеюсь, к очередной юбилейной дате поэта специалисты очистят все лермонтовское пространство от налипших за века мистификаций, сплетен и сомнительных версий. Вернут Лермонтову надлежащее ему высокое место национального русского гения.

Побывав недавно в Лермонтовском музее-заповеднике

² Кутырева Л. Пародируя поэта. – <http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/kutyreva-parodiruya-poeta.htm>

«Тарханы», я вновь ощутил царящую здесь доброжелательную атмосферу и светлую лермонтовскую ауру. Тамара Михайловна Мельникова, директор музея-заповедника, проработавшая в Тарханах более сорока лет, делает всё для пропаганды лермонтовского творчества. В замыслах Тамары Михайловны и восстановление имения Шан-Гиреев в Апалихе, и проведение фольклорного праздника, и очистка Тархан от старых покосившихся избышек, чтобы с дороги открывался изумительный вид на лермонтовскую усадьбу, и строительство Дома лермонтовской культуры, где можно было бы устраивать фестивали лермонтовских пьес, проводить встречи и конференции, принимать гостей со всего мира. Она благодарна министру культуры за максимальную помощь, но что может сделать наше нищее Министерство культуры? Требуются мощные спонсорские вложения. Где наши русские меценаты, где Рябушинские и Мамонтовы, Третьяковы и Морозовы?

Если уж наш президент Владимир Путин в напряженный для него момент со слезами на глазах читал строки Лермонтова, может, он и посоветует настойчиво своим олигархам вместо очередных яхт на Мальдивах и очередных футбольных клубов в далекой Англии щедро помочь в проведении ближайших лермонтовских торжеств. Места в Тарханах чудесные, река, пруды, нетронутые леса, и каждая поляна, каждый холм наполнены лермонтовским очарованием. Разве не почетно и для страны, и для вновь избранного президента

сделать Тарханы местом притяжения всей европейской культуры, торжественным местом для паломничества всех россиян?

Нужен всероссийский лермонтовский культурный центр.

Тарханское детство, конечно же, преодолевало в творческой судьбе поэта и байронические настроения, и увлеченность немцами и французами. Не мог поэт, вобравший в себя все русские просторы, остаться отвлеченным книжным романтиком времен его первых поэм. Русскость была заложена в музыкальности его стихов, в прорисовке характеров, в осознанном постоянном разговоре напрямую с Богом. Он и себя ощущал Божьей частицей.

Он очень мало жил. Но успел написать очень много. Даже если брать одни вершины, мы насчитаем поэмы «Демон», «Мцыри», «Песню про... купца Калашникова», «Тамбовскую казначейшу», «Сашку», наберем томик лирических шедевров, погрузимся в трагичность пьесы «Маскарад» и, конечно же, поразимся художественной мощи первого русского психологического романа «Герой нашего времени». Может быть, разбирая этапы его жизни, мы не будем выискивать обывательские сплетни, а будем доискиваться до жизненной правды рождения, становления и гибели нашего национального гения, сумевшего утвердить русский национальный канон в литературе.

Усадьба в Тарханах. Художник А.А. Бильдерлинг

Конспирологи уже почти 200 лет ищут разгадки лермонтовской тайны бытия. Пусть их. Каждое поколение дает свою разгадку, познает новые тайны. А мы обратимся к простым истинам и жизни, и поэзии, и духа. Это всего лишь следование звучанию, уравнивающему и землю, и небо.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки

Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Вот в этом и заключается вся лермонтовская разгадка.

Шотландские струны Лермонта

С детства меня поражала пророческая сила стихов совсем еще юного Михаила Лермонтова. Насколько принято без нужды вспоминать о юном возрасте Михаила Шолохова, настолько же принято не замечать юных лет другого Михаила. Уже в 14 лет он начал писать стихи. К двадцати годам это был зрелый талант, автор классических творений. В 26 лет он погиб. А ведь Лермонтов тоже, по сути, в юном возрасте написал свой гениальный роман «Герой нашего времени». У кого списал? Откуда в нем обитала с детских лет такая вещая мистическая мрачновато-демоническая сила? Не от французского еврея-лекаря, не от безграмотного чеченца и не от крепостного кучера, мнимых его новоявленных отцов.

Есть же древняя генетическая связь времен. Будто чьи-то древние струны звучали в еще не окрепшей душе поэта. О каком поэте написано: «Улыбается он своим гостям, а глаза печальные. Говорят, никогда не сходит улыбка у него с губ, а глаза всегда печальны и смотрят вдаль, сквозь людей»? О шотландском поэте XIII века Томасе Лермонте. Его великом далеком предке, о котором он и не знал, но догадывался. Как-то многие лермонтоведы обходят стороной или чуть-чуть задевают отцовское происхождение, да и вообще роль отца в жизни Лермонтова. Бабка поэта гордилась своим знатным и древним родом, но она вряд ли догадывалась

о еще более древнем и знатном роде нелюбимого ею отца поэта, из клана шотландских Лермонтов. Об этом, впрочем, и сам отец не любил рассуждать, почти никаких связей с его давней родиной у него не было. Почти ничего и не знал. Помнил, что его предок в России – какой-то шотландский бедный наемник. Он и родословие свое числил с XVIII века. Захудалый отставной капитан, соблазнивший богатенькую представительницу рода Столыпиных. Лишь гений мятежного юноши чувствовал нечто большее, чем родовую наследственную связь. Он обнаружил своих знаменитых предков по отцовской линии. Обнаружил прежде всего внутри себя, в своей поэтической душе. Он гордо носил фамилию Лермонтов, догадываясь о ее знатности.

Михаил Лермонтов писал в стихотворении «Желание» (1831):

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах...

Михаил Лермонтов сам не смог побывать в своих шотландских замках и полях, он как бы завещал это будущим поколениям. Вот по этим пустым лермонтовским замкам Шотландии я решился проехать и поискать незабвенный прах предков Лермонтова. Жаль, до него не дошла «Поколенная роспись рода Лермонтовых», составленная в 1698 году

внуками шотландского наемника Георга Лермонта (*George Learmonth*), поступившего на службу русскому царю Михаилу Романову в 1613 году. Там еще указывается предок рода Лермонтов, который в XI веке оказал существенную помощь королю Малькольму III, сыну короля Дункана, в разгроме всем нам известного шекспировского героя Макбета. За верность Малькольм III наградил своих рыцарей. Вот так и появился, насколько я понимаю, согласно уже шотландской «Генеалогии почетной и древней фамилии Лермонт» некий Лэрд из Эрсилмонта (*Ersilmont*), который со временем превратился в Лэйрсилмонта (*Lairsilmont*) и далее в Лермонта (*Learmonth*³). И уже в XIII веке потомка этого Лэрда из Эрсилмонта, славного поэта и прорицателя Томаса Лермонта (*Thomas Learmonth*) звали, как всегда бывает в любой деревенской глуши, упрощенно – Томасом Рифмачом (*Thomas the Rhymer*), или Честным Томасом (*True Thomas*). Со временем и деревушка из Эрсилмонта превратилась в Эрсилдон, или Эрсилдун⁴ (*Erceldoune*), сближаясь в своем названии по созвучию с таинственным Эйлдонским холмом, расположенным неподалеку. Внуки сами приблизительно знали свое шотландское родословие, тем более для внесения в гербовник хотелось кое-что и приукрасить. К примеру, помня что-то о замке Дерси, которым владели долгое время Лермонты, они лихо удлиннили его принадлежность роду, сооб-

³ Графические варианты – *Lairmont*, *Learmond*, *Leirmonth*, *Learmounth*.

⁴ Сегодня – город Эрлстон (*Earlston*), Шотландия.

щая, что именно Малькольм III, прозванный ими Милколумбусом, «И он, за такие службы, пожаловал вотчинами, а Лерманту дано в вотчину господинство Парси, которым господином и ныне владеют наследники его». (Замок Дерси, как я расскажу ниже, перешел к Лермонтам лишь в XV веке, а ко времени написания этой поколенной росписи он уже им и не принадлежал.)

Но не будем копать в шотландской топонимике. Скажем только, что в древней Шотландии было очень почетно вести свою фамилию от места, в котором ты живешь и которое тебе принадлежит. Корни Лермонта не в каких-то там французских Эрмонтах или испанских Лерма, как считают некоторые лермонтоведы, а в той славной и милой деревушке на берегу реки Лидер, недалеко от впадения ее в одну из главных шотландских рек Твид, расположенной на юго-востоке Шотландии, вблизи от знаменитого Мелроузского аббатства, где спустя 100 лет после Томаса Лермонта жил еще один прорицатель и маг, Микаэль Скотт, упомянутый в дантовском Аду в «Божественной комедии». Как утверждал Гектор Боэций, автор «Шотландской истории» (1527), Лермонты, как и многие другие приверженцы короля Малькольма, были шотландцами. Я придерживаюсь версии этого известного средневекового историка. Никаких доказательств об англо-французском происхождении рода Лермонтов его оппоненты не приводят.

В поездке мне, конечно же, был интересен, прежде всего,

знаменитый поэт и прорицатель XIII века Томас Лермонт из Эрсилдона, ведь по сути от этого Томаса Рифмача ведет свой род славный клан Лермонтов. Его слава как прорицателя сродни славе Нострадамуса или Мерлина. Впрочем, об этом еще писал Вальтер Скотт: «Летописи XIII столетия озаменованы были именами трех великих шотландских волхвов, пред коими Нострадамус и Мерлин должны преклонить колена. Мы говорим о Томасе Эрсильдуне, Микаэле Скотте и лорде Соулисе».

Его поэтические пророчества составляют особый лирический жанр средневековой шотландской поэзии. Он изрекал свои провидческие стихи на Эйлдонском холме, где и повстречался с королевой фей и эльфов, уведшей его в волшебную страну сначала на семь лет, а затем уже и навсегда. Но, покидая друзей, он обещал когда-нибудь вернуться в земной мир поэтом. Это предсказание сбылось в России, когда его далекий потомок, Михаил Юрьевич Лермонтов, продолжил его поэтическую стезю. Иные лермонтоведы утверждают, что русский поэт знал о Томасе Лермонте и почитал его. При этом ссылаются на хорошее знание Лермонтовым Вальтера Скотта.

Но в балладе Вальтера Скотта о великом шотландском пророке и поэте тот назван лишь Томасом Рифмачом⁵, его фамилия не указывается. Лишь в поэтическом дополнении

⁵ Баллада о Томасе Рифмаче была опубликована Вальтером Скоттом в сборнике «Порубежные баллады» (1830).

к балладе Томаса Вальтер Скотт употребляет эту фамилию и пишет о Башне Лермонта, но читал ли дополнение Михаил Лермонтов? Думаю, если бы читал, то в своих шотландских стихах обязательно упомянул бы своего предка Томаса Рифмача. Да и башня эта никогда не называлась *Learmonth Tower*, до сих пор ее зовут Башней Томаса. Как говорят шотландские источники, фамилия Лермонт по отношению к роду Томаса Рифмача утвердилась лишь к XVI веку. Кое-кто предполагает даже, что поэт Томас был женат на наследнице семьи Лермонт, и должно было пройти какое-то время, чтобы его самого признали Лермонтом.

В официальных документах фамилия Лермонт прозвучала в XVII веке, когда в «Регистре Эдинбурга», старинном писании, принадлежащем роду Лермонтов из Балкоми, было зафиксировано: «...в «Генеалогии почетной и древней фамилии Лермонт» родоначальником был признан Лэрд из Эрсилмонта», за которым уже и следовал Томас Лермонт. Он был еще известен как автор ранней версии записи «Тристана и Изольды». Но, может быть, очень сложная мелодика, сложная форма стиха помешали утвердиться в мире лермонтовскому изложению народного предания.

В путешествии меня сопровождал сын – историк, кельтолог, доктор Белфастского Королевского университета Григорий Бондаренко. Мы направились в Эрлстон, расположенный в графстве Бервикшир – в приграничном с Англией районе, уже после посещения других родовых замков Лермон-

тов. Но так как этот род все-таки начинался в этом пригра-
ничье, начну свой рассказ с Башни Томаса.

Приехав из Эдинбурга в Эрлстон на автобусе, мы не на-
шли никаких турбюро, не увидели никаких туристов. Сразу
мелькнула мысль: почему до сих пор какая-нибудь туристи-
ческая фирма не устроила для россиян тур «По замкам рода
Лермонтов»?

Ведь всё к этому располагает: и связь с русским гени-
ем, и проживание в старинных замках, и живописные места.
К тому же присутствует новизна, все другие туристические
маршруты в Шотландии проходят мимо. Лермонтова нашего
не знают, другие Лермонты не столь известны и значимы в
Шотландии, а что до их предка Томаса Рифмача, то его дав-
няя таинственная история пока еще в туристический пере-
чень не попала. Едут больше на озеро Лох-Несс, посмотреть
на макет мнимого чудовища. Может быть, «виновато» само
предсказание Томаса? Уходя к эльфам, сам не пожелал со-
хранения памятных мест. Покидая свою Башню, он сказал:

«Прощай, мой отчий дом – замок Эрсилдон! Лежать тебе
в развалинах. Зайчиха со своими зайчатами будет гнездить-
ся в твоём очаге. Прощай, серебристая река Лидер, никогда
больше я тебя не увижу! Но и в королевстве Фей буду я вспо-
минать о тебе.

Печальная моя судьба! На земле тосковал я по королеве
Фей, а в её стране буду вечно тосковать по тебе, край мой
родной! Никогда не забуду я твои зеленые горы, озера и ре-

ки твои! Прощай, Шотландия, и помни мое слово: никогда не переведутся на твоей земле смелые воины и правдивые певцы»⁶.

Вот и осталась от его Башни одна развалина во дворике малолюдного ресторанчика, и никаких памятных знаков в самом городке. И зайчиха с зайчатами, как говорил мне Джон Маккей, владелец ресторана «Башня Томаса», жила здесь, когда он 20 лет назад выкупил развалины. Никаких гламурных туристических буклетов, открыток, магнитиков.

Поразительно, о самом Томасе знают абсолютно все шотландцы, знают и о его реальном, не мистическом, существовании в далеком прошлом. Знают о его поэтических пророчествах, переиздают их; в последний раз они публиковались в 1980-е годы. И никакой туристической шелухи. Может быть, шотландцы хранят его для себя? Стоит себе гордая развалина в тишине и покое.

Впрочем, я этому малолудью был только рад. Гостеприимные провинциалы сразу же рассказали нам, как дойти пешком до развалин Башни Томаса, расположенных где-то на краю городка. Идем километра два, подходим к ресторанчику, который так и называется «Rhymers Tower», расположен на дороге в Мелроуз, к старинному аббатству, которое мы перед этим проезжали. Ищу издали глазом развалины Башни, не вижу. Заходим в ресторанчик, у стойки хозя-

⁶ Цит. по: Томас Лермонт // В стране легенд / Сост. В.Н. Маркова, Н.В. Гарская, С.Л. Прокофьева. М., 1972.

ин – Джон Маккей, мы рассказываем, что приехали из России, посмотреть на Башню Томаса Лермонта, дальнего предка русского гения, и на другие места, связанные с его именем. Джон о Михаиле Лермонтове слышал, но за 20 лет работы его заведения ни один русский к нему не обращался. А попасть к Башне Томаса, минуя ресторанчик Джона, невозможно. Дело в том, что Джон Маккей купил это историческое место, и Башня Томаса находится в уютном дворике ресторана. С одной стороны, вот они – язвы капитализма, купил себе мавзолей, или Тарханы, Михайловское, и использует в свою выгоду. С другой стороны, Джон обязан содержать эти развалины в порядке. Государство перепоручило в частные руки сбережение исторических и литературных памятников.

Стены заведения Джона увешаны иллюстрациями к легенде о встрече Томаса с королевой фей, выходим на веранду: прямо перед нами развалины древней башни XII века, где, возможно, жил и работал великий шотландский поэт и прорицатель. Реальность его существования установлена. Историки даже называют более-менее точные даты его рождения и смерти, с 1220 по 1297 год. О нем поют народные баллады, одну из них блестяще перевел Самуил Маршак «Томас Рифмач». О нем писали Редьярд Киплинг, Вальтер Скотт, Джон Толкин. Он стал даже одним из мистических героев «Ночного дозора» Сергея Лукьяненко.

Я заказал в Британии книгу его стихов, надеюсь заинтересовать ею и русского издателя. Уверен, и в нынешнее нечита-

бельное время, особенно к двухсотлетию Михаила Лермонтова, книга «Томас Лермонт: Все пророчества» разлетится. Сочетание мистики, пророчеств и память о нашем русском гении...

Вальтер Скотт писал: «Память о нем сохраняется и почитается. Дерево Эйлдон, под сенью которого он произносил свои предсказания, сейчас уже больше не существует, но это место помечено большим камнем, названным Камнем Эйлдонского дерева». Истинный патриот Шотландии, плененный загадочным ликом Томаса Лермонта, Вальтер Скотт даже приобрел в 1812 году владение Абботсфорд, куда вошли и Башня Томаса, и Долина Рифмача, и ручей Лешего, и знаменитый камень – там, по преданию, Томас изрекал свои пророчества, там поцеловал королеву фей в алые уста. Так что, обходя эти ручьи, камни и долины, я заодно посещал и места, связанные с Вальтером Скоттом, любимым писателем моего детства.

По одной из версий, в знаменитом Эйлдонском дереве был потаенный вход в Страну фей и эльфов.

Потому Томас и королева под ним и встречались, потому Томас Лермонт, вернувшись через семь заколдованных лет, произносит здесь свои стихотворные предсказания. Легендарное дерево, естественно, с XIII века не уцелело, но каменная плита с надписью на том же месте осталась...

К этому камню с памятной надписью нас привез из ресторанчика «Башня Томаса» Джон Маккей. Рядом с камнем

недавно посажены два перевитых деревца, это уже современный сентиментальный символ любви Томаса Лермонта и волшебной королевы фей и эльфов. Может, под плитой вход в волшебную страну?

На Башне Томаса в 1984 году Эдинбургской ассоциации пограничных графств установлена памятная доска, на которой написаны строки из пожеланий Томаса: «Он говорил: «Прощай, отцовский дом! / Надолго я прощаюсь с замком древним. / Отныне ты не будешь никогда / Торжеств, пиров и мощи местом славным». Вот и напророчествовал – никаких особых пиров и торжеств. Хотя мы с сыном, конечно, помянули предка нашего Михаила Лермонтова не только добрым словом, но и стаканчиком шотландского двенадцатилетнего виски.

Естественно, ходили мы и по протяженному Эйлдонскому холму с тремя вершинами, под которым, согласно некоторым легендам, покоятся король Артур и его рыцари, спускались к реке Твид.

В самом городке мы нашли владелицу небольшого отеля, собирающую все легенды о Томасе Лермонте, участницу небольшого краеведческого общества «The friends of Thomas group». Краеведы выпустили даже небольшую брошюру о поэте и прорицателе, упомянув в ней и о русском поэте Михаиле Лермонтове. Русских, интересовавшихся Лермонтом, она тоже до этого в Эрлстоне не встречала. Рассказала она нам и знаменитые шотландские легенды о своем земля-

ке.

Согласно преданию, Томас встретил прекрасную королеву фей и эльфов еще юношей. Она пленила его своей красотой, и он не побоялся поцеловать ее в уста, за что и был отправлен на семь лет в волшебное королевство. Они скакали на волшебных конях, и перед ними открылись три дороги. Одна из них, заросшая колючками, малолюдная – дорога Правды, которая по христианской версии ведет в Рай, вторая – торная и многолюдная, широкий проспект для всех «жадной толпой стоящих у трона» – путь Лжи, ведущий в Ад. И третья дорога, скорее поэтическая тропинка, вела в Страну фей и эльфов. Вначале уснувший под раскидистым деревом Томас принял красавицу за Деву Марию, но королева эльфов и фей увела его, если честно, не в христианское, а в языческое царство, богатое таинственными поверьями и мудростью. Может, поэтому и сегодня англиканская церковь уклоняется от признания пророческого дара и величия Честного Томаса. Это подтверждение устойчивости шотландского язычества. Горцы с удовольствием ходят в христианские храмы, исполняют положенные обеты, но по сей день не забывают ни об Оссиане⁷, ни о Томасе Лермонте, ни о других великих и мудрых язычниках.

Об этом троопутье между Раем, Адом и Мистикой очень

⁷ *Оссиан* (в других переводах *Ойсин*, *Ойзин*) – легендарный кельтский воин и бард, живший, по преданию, в III веке. Некоторые из его сказаний записаны не позднее XII века.

хорошо написал знаменитый писатель Джон Толкин, приводя в книге «Хоббит, или Туда и обратно» фрагмент с переводом баллады о Томасе Лермонте:

Вглядись: тропинка чуть видна,
Пророс терновник меж камней...
О, это Праведных тропа,
Немногие идут по ней.
А вот широкий, торный путь,
Где на лугах блестит роса...
Но этот путь – стезя Греха,
А не дорога в Небеса.
И вот чудесная тропа
В холмах зеленой стороны.
То путь в Волшебную страну.
Мы по нему идти должны⁸.

Вот по этой, третьей, волшебной дороге и отправились Томас и его королева. Перед возвращением домой королева дала ему яблоко, съев которое, Томас обречен был не только предвидеть будущее, но говорить только правду, какой бы горькой она ни была. Вернулся он через семь лет. И стал Правдивым и Верным Томасом. Он не побоялся сказать королю Александру III о его скорой смерти, он предвидел исход битвы при Баннокберне и при Флоддене, объединение Шотландии и Англии под властью короля из рода Брюсов,

⁸ Русский перевод С. Кошелева.

выходца из Франции.

То будет сын французской королевы.
Он править станет всей Британией до моря;
Из рода Брюсов будет он по крови
В девятом поколенье, я предвижу.

Пишет он и о разорении родного очага: «...когда зайчиха принесет зайчат на камни очага», и об угасании рода Лермонтов...

Иные его пророчества исполнялись спустя 200 или 300 лет. Есть два неисполненных:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбург лучшим станет
Из трех, когда время настанет...

Ну что ж, Шотландия сегодня прямым ходом идет к своей независимости, которая изменит и историю Англии. А Эдинбург и впрямь – один из очаровательнейших городов мира.

Еще одно мрачное предсказание Томаса Лермонта, относящееся ко всему человечеству:

Когда коровы из Гори выйдут на землю,
Наступит Судный день.

То есть наступит конец света. «Коровы из Гори» – два больших валуна, выступающих из залива. За прошедшие

800 лет два этих огромных камня уже наполовину торчат из воды. Море отступает от берегов. Когда-нибудь валуны выйдут на землю, если люди сами не помогут им вовремя вновь погрузиться в море.

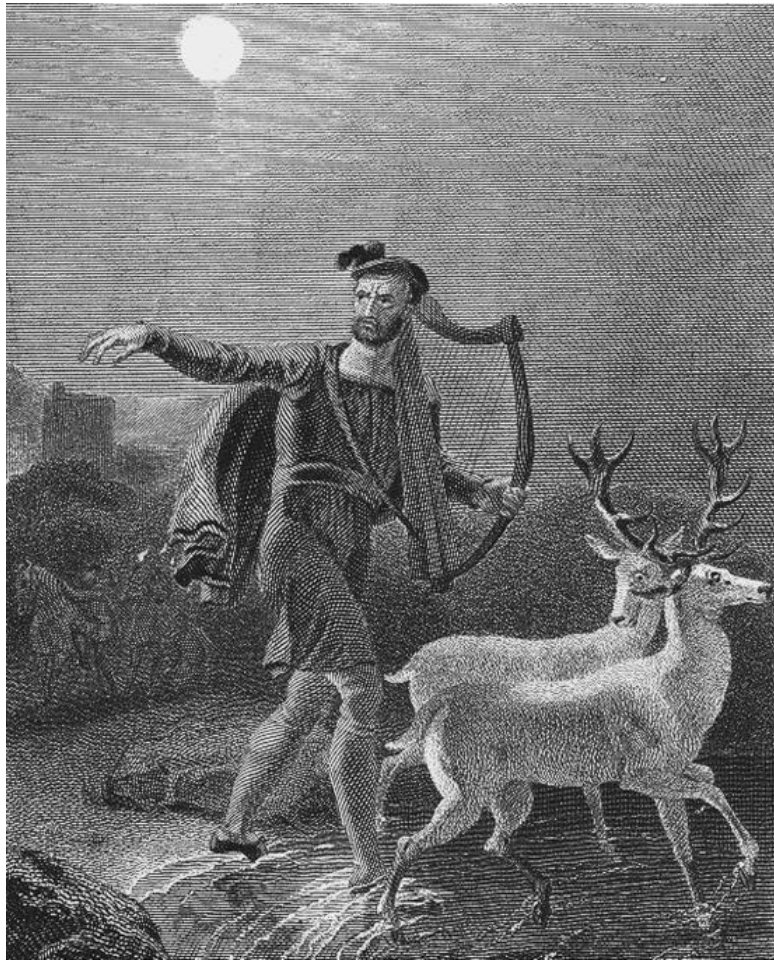
После нескольких лет жизни поэта-предсказателя за Томасом во время королевского обеда пришли олень с оленихой и увели его в волшебную страну уже навсегда. И это случилось в 1297 году. Но в его пророчествах указывалось и то, что спустя много лет он вернется на землю молодым и опять коснется арфы, и опять будет писать стихи.

И я приду сюда, и не узнаю вас,
О, струны звонкие...

Не его ли душа спустя пятьсот с лишним лет обрела новое пристанище в теле дальнего русского потомка Михаила Лермонтова? Не ему ли был дан такой же великий дар поэтического пророчества, не его ли окружали всё те же тени из таинственных миров?

Еще мало зная о древних Лермонтах, не бывая в Шотландии, эту связь с шотландским предком блестяще оценил наш мистик, поэт и философ Владимир Соловьев, считавший, что «страшную напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем Я, страшную силу личного чувства» и «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную

сторону жизни и жизненных отношений» русский гений позаимствовал у своего далекого предка. Примером пророческой поэзии Лермонтова Соловьев считает стихотворение «Сон» (1841). Поэт видел «не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна». А мы, свидетели XX века, добавим и еще одно великое пророчество русского гения – предсказанный поэтом «России черный год, когда царей корона упадет...».

Томас Лермонт. Старинная гравюра

О шотландских стихах Михаила Лермонтова поговорим попозже, но и они в чем-то пророческие, мистические. Ничего не зная ни о Шотландии, ни о своих шотландских великих предках, Михаил Лермонтов в 1830 году пишет стихотворение «Гроб Оссиана»:

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

А мы вернемся в наше путешествие по лермонтовской Шотландии. На этот раз начнем сначала. Я прилетел в Эдинбург, заранее спланировав весь свой лермонтовский маршрут, в чем мне помогал сын, встречавший меня в аэропорту, заранее прилетев из Белфаста. Ночевали в кампусе Эдинбургского университета и рано утром отправились на автобусную станцию. Еще заранее мы перерыли весь Интернет в поисках удобного маршрута, чтобы добраться до замка Дерси без пересадок. Нашли автобус, идущий практически мимо замка, вернее, мимо небольшого селения Дерси. От Эдинбурга ехать было чуть больше часа, но в сторону, противоположную Эрлстону. Путь лежал на Сент-Эндрюс, центр се-

веро-восточного графства Файф, Перт, Данди, до железнодорожной станции Капар.

Вышли в небольшом местечке Дерси, местные ребята тут же направили нас в сторону замка. Перед поездкой мы связались по электронной почте с нынешними хозяевами замка, но, к сожалению, они куда-то уезжали, в замке никого не оставалось, но специально для нас вход был оставлен открытым.

Этот замок, расположенный на вершине склона в излучине реки Иден, как утверждают историки, в XII веке был собственностью епископа Сент-Эндрюса Арнольда, который передал замок в дар монастырю в 1160 году. Надо же, замку Дерси почти 900 лет! Был у замка и свой высший взлет: в 1335 году именно в нем заседал парламент Шотландии. Замок к тому времени уже принадлежал роду Дерси. Как мы помним, каково название места, такова и фамилия знатного владельца.

Жили-были Лермонты в Эрсилдоне и его окрестностях. Даже могила сохранилась в приходской церкви городка, на которой написано «Здесь покоится род старого Стихотворца». Как насчитала биолог из США Татьяна Молчанова, связанная с Лермонтами родством, на этом кладбище сохранились могилы шестнадцати Лермонтов, но ни славы, ни богатств у них уже не было. Где-то в середине XV века один из обедневших Лермонтов, не очень-то довольных предсказанием своего предка, выгодно женился на наследнице рода

Дерси, Джанет де Дерси, и получил в приданое замок. Так с XV века и никак не раньше, что бы ни писали наши лермонтоведы, замок Дерси стал принадлежать Лермонтам. Очень быстро Лермонты в Дерси и его окрестностях освоились и стали занимать высокие должности. Они были влиятельны и в местной церкви, и в самом графстве Файф. Достаточно сказать, что не один раз Лермонты надолго становились мэрами Сент-Эндрюса. Кстати, можно проследить и здесь некую древнюю русско-шотландскую связь. Святым покровителем и Шотландии, и России был святой апостол Андрей. Андреевский флаг близок и нам, и шотландцам. Может быть, когда Шотландия обретет независимость, о чем пишут сегодня все шотландские газеты, Андреевский флаг станет ее государственным флагом.

Сент-Эндрюс дорог современным шотландцам тем, что там расположен древнейший университет Шотландии и прежде всего тем, что это родина гольфа. В отличие от нас шотландцы берегут и развивают национальные виды спорта. Футбол – футболом, но свой гольф они никогда не забудут. А где наша русская лапта, где наши городки и т. д.? У Запада надо учиться, как сохранять и развивать национальную культуру. Позже, после осмотра замка Дерси, мы доехали до центра графства Файф, обошли весь Сент-Эндрюс, уютный, старинный городок, и везде маленькие объявления: есть поле для гольфа. Кстати, и у лермонтовских замков такая же реклама: имеется великолепное поле для гольфа. Гольф нас не

интересовал, поэтому мы, минуя спортивные поляны, напрямую шли к видному издалека, обнесенному старинной оградой и воротами и даже остатками рва замку Дерси.

На гербе Сент-Эндрюса тот же девиз, что и на гербе последней ветви шотландских Лермонтов: «*Dum spiro spero*» («Пока дышу – надеюсь»). Один из известных в истории Лермонтов из Дерси, сэр Джеймс Лермонт, мэр Сент-Эндрюса с 1530 по 1546 год, был управляющим при королевском дворе, хранителем сокровищ Шотландии, мудрым дипломатом и советником короля Якова V. Сэр Джеймс одним из первых в Шотландии принял протестантство и участвовал в убийстве кардинала Битона в Сент-Эндрюсе в 1546 году. Это была самая громкая пора в истории рода Лермонтов, тогда владетельных и знатных особ.

Старшему сыну сэра Джеймса от первого брака перешел замок Балькоми, а замок Дерси достался старшему сыну от второго брака, сэру Патрику, который был мэром Сент-Эндрюса в течение сорока пяти лет. Он и его сыновья были последними Лермонтами, владевшими замком Дерси. Потом постепенно начался закат этого шотландского рода. Замок Дерси переходил из рук в руки, ветшал, пока в XX веке постепенно не превратился в самые настоящие руины.

Уже в наши дни, в 1996 году, развалины замка были куплены на интернет-аукционе состоятельной семьей из Тайваня, шотландцем Кристофером Раффлом и его женой, по происхождению японкой. По старым чертежам они заново от-

строили древний замок. Наверное, Кристоферу Раффлу мечталось о таком всю жизнь, небось поднадоела и жизнь на Востоке, и он захотел вернуться в родную Шотландию, но с присущей Западу прагматичностью не забывал и о выгоде. Для воплощения замысла о постоянной гостинице не хватило прежде всего постояльцев. В стороне от всех туристических и коммерческих объектов, в шотландской глуши, содержать прислугу и кухню стало бы для него разорительным. В число знаменитых исторических и литературных памятников замок Дерси, увы, тоже не попадал. Тем не менее, кроме квартиры для собственного жилья, в замке были отстроены апартаменты для приема гостей.

Когда мы с сыном прочитали в Интернете приглашение в замок Дерси, сын испуганно вскрикнул: мы туда не поедem, не по карману! Сутки проживания стоили две тысячи фунтов, то есть 90 тысяч рублей. Не может быть, прикинул я, чтобы даже в замке номера в отеле так дорого стоили. Оказалось, по такой суточной стоимости сдаются не номера, а весь замок Дерси для свадеб, корпоративных вечеров, юбилеев и других значительных торжеств. Для среднесостоятельных людей это не так уж и дорого. Отгулять свадьбу в замке с почти тысячелетней историей, отметить юбилей фирмы – это запомнится надолго. А хорошо выпив, и с призраком можно поболтать. Естественно, внутри замка все было отстроено под самый современный стиль. Нам там было нечего делать, даже если бы нас позвали. А вот снаружи замок и впрямь вы-

делялся своей круглой башней, замысловатым извилистым расположением, остатками крепостных стен. Вокруг стен хозяева аккуратно высадили цветы, поодаль поставили парковые скульптуры. Рядом с замком восстановлена церковь. Думаю, по приезду гостей там идут службы – венчание, крестины. Обширный, ухоженный сад, конюшня. За оградой бегал небольшой табунчик черногривых лошадей. Тоже для гостей. В вестибюле – портреты епископов Сент-Эндрюса. Как сказала хозяйка, есть в доме и галерея менестрелей.

После нашего внимательного осмотра замка и окрестностей мы по Интернету поблагодарили нынешнюю владелицу за гостеприимное разрешение посетить пустой замок. Как управляется одна хозяйка с замком, удастся ли аренда? Очевидно, в случае аренды нанимается прислуга из местных. Может быть, если и в самом деле появился бы лермонтовский тур по замкам Шотландии, то для большой группы и при регулярном пребывании цены в Дерси оказались бы вполне умеренными.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,

Как раздался, так смолкнул бы он...⁹

В последние годы замок стал привлекать внимание местных историков, архитекторов и просто патриотов своего края. Начато археологическое изучение этого исторического памятника сотрудниками Сент-Эндрюсского университета. Создано общество – «Dairsie castle trust». Я думаю, соединение усилий историков, писателей и владельцев замка принесет пользу всем. Надеюсь, заинтересуются родом Лермонтов и серьезные русские историки и литературоведы. Я читал о Томасе Рифмаче и о шотландских предках поэта в статьях русских исследователей, но, как понимаю, до самих замков никто из них так и не добрался. Правда, есть интересная книга американцев, супругов Татьяны Молчановой и Рекса Лермонта, но как хороша была бы иллюстрированная книга «Шотландские замки Лермонтов».

Понимаю и сложность возможного смыслового анализа шотландских стихов Михаила Лермонтова. Понятно, почему на них не акцентируют внимание. Почему юный поэт так рвался вон из России?

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

⁹ «Желание» (1831).

Почти ничего не зная, он тянулся к шотландской отчизне, понимая, что эти моря ему не преодолеть. Может быть, он тянулся к отцу, к древним своим, где-то услышанным поэтическим предкам?

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

Не протест ли это в защиту отца, когда и родиной своей называет Шотландию, и отказывается от «чуждых снегов». Какой-нибудь разгоряченный политикан мог бы назвать эти стихи русофобскими и откровенно западническими: «на Запад, на Запад...» подальше от чуждых снегов хочет умчаться «нездешний душой» юный поэт. Впрочем, есть и у Маяковского – «Я не твой, снеговая уродина...». Но не тот ли самый Лермонтов написал позже «Бородино» и «Песню про... купца Калашникова»? Думаю, эти несколько стихотворений, навеянных Шотландией и Байроном, были на самом деле его тоской по отцу, выходцу из шотландского клана Лермонтов. Может быть, этим можно объяснить и его страстное увлечение поэзией Байрона.

Куда нам уйти от мистики, говоря о Лермонтове? Отца все вокруг презирали: чернь, «пустой», «странный» и даже «худой». Как-то впитывал эти чувства и молодой Миша. Но боролся с ними. Не отсюда ли потом возникли его страст-

ные, полные большевистской ненависти к сытой холеной знати строчки «Смерть Поэта» (1837):

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!

Это в нем говорило чувство мести за отца, из того самого «обиженного рода». Те же мысли он развивает и в стихотворении к отцу (1831):

Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.

К сожалению, отец уже сдался воле судьбы и даже не рвался искать свое родословие. И уже перенося на себя, как имеющего отчизной Шотландию, все обиды за отеческий род, Михаил Лермонтов очень тонко чувствует обиды загнанного в угол отца.

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!

Не забудем и о гордости горных шотландцев. Ведь Шотландия после пребывания там кажется мне чем-то похожей на нашу Чечню. Те же горы, те же родовые общины, та же война между соседними горными кланами. Примерно тот же характер и те же нравы. «Дикари» для равнинных англосаксов. Смелые, гордые, вольные, но все поодиночке, со своим кланом, поневоле в жесточайших схватках они уступали командному порядку англосаксов. Так же было в Ирландии, где воевали со своими захватчиками сотни лет, Ирландская республиканская армия до сих пор воюет, умеют воевать, не боятся смерти, но нет единства в строю, нет командности. И вот этот гордый шотландец, в венах которого течет кровь древних воинов, вынужден сдаваться. Не отсюда ли чувство унижения самого поэта, которое он и воспринимал с необычайной чувствительностью? Не отсюда ли мрачный взгляд на мир? Не отсюда ли любовь к такому же вольному Кавказу? Не отсюда ли и увлечение Байроном? Михаила с его шотландскими стихами дразнили английским поэтом, говорили, что он лишь подражает Байрону. Михаил Лермонтов на самом деле очень любил и ценил английского поэта. Им бы еще вместе Балкоми – родовое имение – посетить. Он переводит стихи Байрона, выбирая все ту же мистическую тему заброшенных замков. В подражание Байрону он в 1830 году написал свою балладу о черном монахе («Берегись! берегись! над бургосским путем...»), как бы продолжая шотландский цикл:

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда мавр пришел в наш родимый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.
Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.
(Продолжение впредь.)

Лермонтов оставил его как бы незавершенным. Сегодня находятся исследователи, считающие этот стих пародией на балладу. Тогда и весь Михаил Лермонтов с его героикой, мистикой и трагичностью может показаться пародийным поэтом. Надо ли так передергивать в угоду моде? Тем более то-

гда уж и Байрон становится пародистом.

Лорд Байрон. Гравюра XIX в.

Русский поэт уделяет творчеству Байрона много времени, в тетрадах того времени много переводов, подражаний Байрону. Он пробовал работать и над «Гяуром», и над «Ларой». Внимательно читал жизнь лорда Байрона, описанную Томасом Муром. Видит какие-то общие истоки творчества, так и не догадываясь о прямом родстве.

И Байрона достигнуть я б хотел.
У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!
Как он, ищу забвенья и свободы.
Как он, в ребячестве пылал уж я душой...¹⁰

Может быть, у обоих пылала душа Томаса Лермонта. Проснулся спустя века великий шотландец, дал свою кровь, свой нрав и по женской линии, через Маргарет Лермонт – Байрону, и по мужской, через Джорджа Лермонта – Лермонтову. Как к старшему брату относился Лермонтов к Джорджу Байрону.

Он и на самом деле оказался «последним потомком отважных бойцов», последним представителем одной из ветвей Лермонтов. Кто же был первым русским представителем этого шотландского древнего, но обедневшего рода?

И тут уже нам от замка Дерси придется перенестись в другой замок – Балкоми, построенный в XVI веке неподалеку

¹⁰ «К*** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья)» (1830).

от городка Крейл и принадлежащий другой ветви Лермонтов. Когда-то, во времена Малькольма IV, правившего с 1153 по 1165 год, эти земли принадлежали некоему Сену, затем в 1375 году они перешли Джону де Балкоми, а затем, уже в 1526 году, какой-то старый замок перешел Лермонтам – сначала на правах аренды. Со временем Джеймс Лермонт-Дерси выкупил эти земли у короля Якова V и приступил к строительству нового замка. Хочу дать слово и своему любимому лермонтоведцу Павлу Висковатому. Он писал:

«Да, Михаил Юрьевич предугадал: он был последним потомком шотландских бойцов; но не в снегах кончил боец этот жизнь свою, а в южной стране, среди гор, ставших ему милее туманных картин на берегах Лидера и Твида. Смерть отца повергла поэта нашего в скорбь, которую он тщательно скрывал перед другими и перед самим собою. Жизнь была в нем ключом, и ему удавалось поднимать свое настроение до резвой веселости, но тем сильнее были минуты скорби. И если в двух автобиографических драмах мы находим следы мыслей о самоубийстве, то о том же гласят многие лирические стихотворения того времени. Юноша немало перенес тяжелых душевных мук и борьбы. Когда мрачное настроение овладевало им, он уходил в уединенные места – в лес, в поле, на кладбище, или проводил бессонные ночи, глядя сквозь окно в ночную тьму, а в голове стучала безысходная мысль покончить с собою. Покой могилы манил его. С такими мрачными думами сидел он у окна своего в Середникове,

когда написал свое «Завещание».

Есть место близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где выются вечером туманы,
Осеребрённые луной...
Мой друг, ты знаешь ту поляну!
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану.
Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону:
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи...

Совершенно предаться мрачному настроению, впрочем, мешала поэту не только полная жизни натура его, но и шумное общество окружавших его в Середникове людей».

Вот этот замок Балкоми и стал одним из самых литературных замков Шотландии. Как оказалось, именно в этом замке жила прелестная особа Маргарет Лермонт, очаровавшая королевского адвоката Гордона, именно здесь они гуляли и наслаждались друг другом, даже не замечая свиста мальчика-призрака, как говорят, умершего голодной смертью в его стенах и до сих пор тревожащего во время обеда всех обитателей замка своим свистом на оловянной дудочке. Свое домашнее привидение. Какой-то свист слышал и я, блуждая по темным отсекам недостроенной изнутри башни.

Потомком этой счастливой семейной пары, соединившей роды Гордонов и Лермонтов, и стал самый знаменитый и самый любимый Михаилом Лермонтовым поэт Англии Джордж Ноэл Гордон Байрон. Приходящийся тому же Джорджу Лермонту дальним родственником, Джордж родился в замке Балкоми где-то в 1596 году. Из этого же замка Балкоми отправился в свой восточный поход шотландский наемник Джордж Лермонт, героически погибший под Смоленском в войсках князя Пожарского. Но перед этим давший жизнь русскому роду Лермонтовых. Михаил Лермонтов ничего не знал о своем родстве с Байроном, но, так же как и с Томасом Лермонтом, чувствовал это родство мистически.

Наш путь из замка Дерси лежал сначала в Сент-Эндрюс. Передохнув и осмотревшись, мы сели там на автобус в направлении к морскому побережью, до городка Крейл. Автобус шел по прибрежной дороге, может быть, и удлинял наш путь, но зато все живописные места графства Файф, все его уютные старинные городки оказались в нашем распоряжении. От Крейла, опять же, пешком мы двинулись до замка Балкоми, заранее связавшись с нынешней владелицей.

Как и в случае с Дерси, замок к XX веку лежал в развалинах. Уже в наше время, когда возникла мода на старинные замки, эти живописные развалины купила семья Стоквеллов и отремонтировала Балкоми по чертежам, сохранившимся в обширных шотландских архивах.

К сожалению, муж госпожи Стоквелл скончался, когда

был закончен ремонт башни и был оборудован примыкающий к башне дом начала XIX века, где и находится сегодня уютная гостиница с вполне приемлемыми ценами – 50 фунтов за ночь. Именно здесь отмечали 950-летие своего рода многочисленные Лермонты со всего мира. От замка Дерси до замка Балкоми не так уж и далеко, даже с заездом в Сент-Эндрюс – километров тридцать. Так и скакали на конях Лермонты из Дерси к Лермонтам из Балкоми.

Внутри башни хозяин так ничего и не успел сделать, стоят строительные леса, гнездятся птицы. Любезная хозяйка госпожа Пэт Стоквелл уделила нам немало времени, рассказав все, что знала, и о замке, и о его обитателях былых времен. В ее квартире внутри отстроенного замка мы попили чай, посмотрели какие-то фотографии. Мы, по словам Пэт Стоквелл, оказались в Балкоми первыми русскими со времен его ремонта. Этот замок соединил роды Байрона и Лермонтова, неужели это не интересно нашим исследователям?

Когда я ходил по гулкому пустому залу высоченной башни, мысленно представляя жизнь обитателей замка, я замечал очаровательную Маргарет Лермонт, давшую жизнь потомству Байронов. Где-то в темноте мне встречался изрядно обнищавший Георг Лермонт, именно из этих ворот башни он, бравый вояка, после поражений шотландской армии от англичан отправился на восток и вряд ли догадывался, что в седьмом его колене родится великий гений русской поэзии. В замке Балкоми я лишний раз понял, что в жизни есть

место высокой мистике, вспоминал уже поэтическую связь Байрона и Лермонтова.

Георг Лермонт выехал в поисках воинской удачи, как и многие его родственники, умевшие хорошо воевать, но не умевшие приобретать богатства. После поражения в борьбе за независимость Шотландии ему уже не было места дома, и он прямо из ворот замка Балкоми отправился военным наемником в польские войска, в составе Шкотской роты воевал с Россией. 5 сентября 1613 года польский гарнизон, оборонявший крепость Белую (современный город Белый Смоленской области), сдался русским. Около шестидесяти шотландцев и ирландцев, по сути вся Шкотская и Ирландская роты наемников перешли на сторону Российского государства, в числе их был и Георг Лермонт. По велению избранного Земским собором молодого царя Михаила Федоровича Романова они были приняты в Московское войско. В 1617 году он был назначен прапорщиком вместо убитого Давида Эдвара. В 1618 году сражался с поляками под Можайском в отряде князя Куракина. Отличился в бою против поляков и литовцев в Москве у Арбатских ворот, где был тяжело ранен.

Георг Лермонт – родоначальник русского рода Лермонтовых.

Гравюра XIX в.

Со временем он стал ротмистром рейтарского полка, храбро воевал за Россию, за что ему были пожалованы молодым царем Михаилом Романовым (кстати, его сверстником) земли в Костромской губернии, и в начале 1634 года Георг («Юрья») Лермонт погиб под Смоленском. А похоронен в Авраамиевом Городецком монастыре под Чухломой – в костромских наследственных землях, дарованных за верную службу. Из трех сыновей его продолжателем рода явился Петр, который в 1653 году принял православие, в 1656–1657 годах был воеводой в Саранске. Сыновья его Евтихий и Петр были стольниками. Праправнук Евтихия, Юрий Петрович, – отец поэта Михаила Юрьевича.

Впервые имя М.Ю. Лермонтова связали с шотландскими Лермонтами в 1837-м, когда в шотландской прессе появилась статья Уильяма Ролстона «Шотландец за границей». Но поэт знал об этом изначально, провидчески.

Я не буду погружаться в одно время увлекшую поэта Михаила Лермонтова идею о его происхождении от испанского герцога Лермы. Нелепая идея, объяснимая лишь тем, что поэту хотелось всячески возвеличить своего отца. Насколько я знаю, ему эту идею о близости с испанскими герцогами внушили Столыпины, знавшие о поисках Михаилом родословия своего отца. Но поэт не был таким позером, хвастающимся своим мнимым герцогством, ему нужна была правда. Он чувствовал в себе некие древние мистические силы. Решил проверить и испанскую версию. Из испанского посольства

пришло объяснение от Мадридского исторического архива, что он к герцогу Лерме не имеет никакого отношения, и интерес Михаила Лермонтова к этой теме угас. Но великому поэту любые заблуждения полезны, короткое увлечение испанской темой привело к написанию трагедии «Испанцы», возникновению акварелей и рисунков «испанского цикла» и удивительного живописного автобиографического изображения якобы герцога Лермы – портрет самого Лермонтова.

Стремление Лермонтова облагородить род отца в тот период совпало с тягой к испанской революции, соединялись страсть к свободе и возрожденное достоинство Лермонтовых. Удивительно, как быстро некоторые наши лермонтоведы в угоду юношеским фантазиям Лермонтова придумали фантастическую версию, что герцог Лерма переехал в Шотландию, и дальше уже пошел род Лермонтов. Сам поэт, получив отрицательный ответ из Мадрида, про Испанию благополучно забыл. Да и герцог Лерма личность вполне достоверная, ни к какой Шотландии не подходит.

Михаил Лермонтов всё более отчетливо понимал, что отцовский род идет из Шотландии, из старинных шотландских кланов. Думаю, с этим связано и увлечение книгами Вальтера Скотта, и его байронизм, отчасти шотландский. Даже если он и не нашел у Вальтера Скотта фамилии Лермонт, то глубоко погрузился в историю Шотландии. Ему был близок по духу и Томас Рифмач, на руку оказались и «Поэмы Оссiana», изданные шотландским писателем Джеймсом Макфер-

соном¹¹. При жизни Лермонтова еще никто не сомневался в подлинности этих древних кельтских поэм. Им увлекались все писатели России, от Карамзина и Державина до Пушкина.

Тогда уж и я расскажу некую славянофильскую версию, как все сокровища древних шотландских пиктов оказались в Русской земле. Согласно этой легенде, норвежский король в октябре 1214 года с войском приплыл в Шотландию. На берегу у селения Ларге произошло сражение, и за доблесть в этом бою правитель Шотландии епископ Стюарт вручил храброму воину и поэту шкатулку с сокровищами пиктов. Вместе со шкатулкой он передал Томасу Лермонту грамоту, где было написано: «Потомству Лермонта идти на восток, через четыре века и четыре народа, и клад сей оставить в христианской земле, где еще через четыре века вновь обретен будет». Через столетия эту шкатулку с собой привез в Россию Юрий Лермонт, верно служивший князю Пожарскому. Перед сражением Лермонт закопал шкатулку с кладом пиктов под старым дубом у Москва-реки. Как мы знаем, храбрый воин Лермонт погиб, и клад его якобы пытались разыскать многие знатные люди.

А мне осталось рассказать лишь о походе к могиле Оссиана. История тоже довольно загадочная. Но если уж одно из

¹¹ Под именем Оссиана Дж. Макферсон издал свои обработки кельтского фольклора («Сочинения Оссиана, сына Фингала», 1765), которые были восприняты современниками как подлинные. Образами Оссиана вдохновлялись молодой Гёте, а позже Байрон и Гюго.

шотландских стихотворений Лермонтова так и называется: «Гроб Оссиана», как же нам пройти мимо него. Сейчас все в основном помнят про мистификацию Макферсона, опубликовавшего «Поэмы Оссиана», которые наделали много шума. Сначала их признали великими, кое-кто поставил их выше Гомера, затем, как только усомнились в авторстве, поэмы перестали замечать, хотя их качество нисколько не изменилось. Но тут уж благодаря сыну-кельтологу я скажу: был бы Макферсон, не было бы его, но в древней кельтской истории Оссиан все равно занимает почетное место, как легендарный поэт и сказитель III–IV веков н. э. И никак без него не обойтись, как не обойтись без Лао-цзы в Китае: Лермонтов как поэт был прав, он не от Макферсона шел, а от древних кельтов. До сих пор спорят, сочинил ли финнам «Калевалу» Элиас Ленрот, или он лишь записал народный эпос. То же самое пишут и про все составленные в XX веке народные эпосы. Кстати, и наше «Слово о полку Игореве» появилось вскоре после находки оссиановских поэм Макферсоном.

Иные филологи еще тогда, в период веры в подлинность поэм Оссиана, проводили параллель между ними и «Словом о полку Игореве».

Сон Оссиана. Художник Ж.О.Д. Энгр

Ясно, что Макферсон воспользовался знаниями древней истории кельтов, изначальными песнями Оссиана, а не придумал их заново. Пошла бы история Британии по-другому, может, и сейчас изучали бы школьники и студенты творения древнего мудрого кельта Оссиана. Но – оставим это историкам и литературоведам.

Есть замечательное стихотворение Лермонтова «Гроб Оссиана» (1830). Навеяно оно было ему в ту пору, когда он отыскивал родословие отца, рассказано было о гробе Оссиана одним путешественником, посетившим его в Шотландии.

С такими мистическими личностями древности точность всегда относительна. Как мы знаем, существует несколько могил Чингисхана, и каждая из стран претендует на достоверность их захоронения. Даже в Иерусалиме я столкнулся с тем, что у православных и у католиков разные святыя места, обозначающие одно и то же явление. Каждая церковь утверждает свою правду.

Так и с легендарным героем кельтов Оссианом. Как считают исследователи, в Шотландии нет не только могилы ирландского певца Оссиана. Там нет и могилы Джеймса Макферсона, донесшего свою обработку Оссиановых сказаний до Европы. Впрочем, ушлый шотландский народ нашел-таки одну вроде бы могилу, или могильник в горной Шотландии, но большинство исследователей предполагают, что подлинное захоронение древнего сказителя Оссиана находится в Ирландии. Вот туда мы с сыном и добрались по следам сти-

хотворения Михаила Лермонтова.

Вернувшись автобусом из замка Балкоми в Эдинбург, сели на самолет и вскоре приземлились в Белфасте. Далее к побережью Северной Ирландии, и уже на машине добрались до местечка, обозначенного как предполагаемый могильник Оссиана. Как и положено, внизу, где мы оставили машину, небольшая гостиница, так и называется «Гроб Оссиана». Правда, опять никаких книжек либо памятных открыток не продавалось. Какой-то незавершенный турбизнес в этих местах. Дальше идем по гористой дороге вверх, доходим до поля, находим так называемое капище Оссиана. Как и положено для III века н. э., это искусно уложенная груда больших камней. Какое-то время этим полем с находящимся на нем древнейшим капищем-могильником владел ирландский поэт начала XX века Джон Хьюитт. Он и завещал похоронить себя недалеко от могилы Оссиана.

Именно этот ирландский могильник представлен в различных исследованиях, СМИ и Интернете как условно принадлежащий Оссиану. О так называемом шотландском могильнике того же Оссиана упоминают реже, да и добираться туда труднее, так как он в самой гористой части Шотландии. Могильником считается вертикально стоящий огромный каменный валун. Но согласно реконструкциям современных ученых, могильники знатных людей всегда состояли из нескольких каменных валунов, а не из одного. Да и сам Оссиан, по всем преданиям, был жителем Ирландии,

древним ирландским, а не шотландским героем. Переместили его в Шотландию в XVIII веке, очевидно, потому что сам Макферсон был шотландцем. Тем не менее своим могильником Оссиана гордятся и в Ирландии, и в Шотландии. И прекрасно.

В Ирландии мы попали в какую-то чисто капиталистическую ситуацию. Владелец гостиничного домика у подножия горы рекламирует на своем сайте могилу Оссиана, заманивая гостей. А само капище и горная дорога к нему принадлежат другому хозяину, недовольному, что люди въезжают на его участок на машинах. Он самовольно снял табличку, ранее установленную у могильника Оссиана историками – и никаких примет. Человек не знающий может и не найти. Хорошо, что мой сын Григорий бывал на этом могильнике много раз, видел и табличку, и указатель. Довел, подышали не спеша «родимым лермонтовским ветром», заняли у могилы Оссиана чуточку энергии на будущее. Не стали дожидаться надвигающейся бури, частой в этих ирландских приморских краях, отправились в соседний городок Бушмилс с его самой древней в мире вискикурней, отогреться.

Вот так и закончилось мое первое путешествие по шотландским местам рода Лермонтов.

Остается посетить могилу первого русского Лермонта в Авраамиевом Городецком монастыре на Чухломском озере.

Чухломские корни Михаила Лермонтова

Как великий шотландский кельтский бард и мистик, прорицатель Томас Лермонт, спустя столетия, нашел свое продолжение в великом русском поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове? Возможно, это был бы наш русский Шекспир, перевернувший всю мировую литературу. Увы, не дано было тому случиться.

Но где обрел сей шотландский род свои дремучие русские корни? Ведь не случайно же писал Михаил Лермонтов в 1832 году:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Где обрел шотландский рыцарь Лермонт, дальний родственник Байрона, свою русскую душу? Чтобы соединить воедино два древних духовных начала: кельтское и славянское – в одном лице. Сомневаться в шотландских корнях Лермонта не имеет никакого смысла, но не в столицах же проходила глубинная русификация шотландского воина. И потому, чтобы понять великую поэзию Михаила Лермонтова,

надо вернуться к его корням. Как говорят генетики, всё заложено в предках твоих. Гений дается свыше, но любой гений, Шекспир или Гёте, реализуется в своей национальной форме. Может и требовалась для раскрытия лермонтовского гения доля кельтской мистичности и дара прорицания, но в формате самой потаенной, глубинной русскости. Для этого и пришлось шотландским рыцарям Лермонтам из замка Балкоми, что расположен в графстве Файф, погрузиться почти на долгих два столетия, с 1621 по 1791 год, в затаенную русскую чухломскую глубинку, породниться с Костромской землей, давшей нам, кстати, и род царей Романовых. Надо же, какая петля была сделана: из графства Файф, края Мак-бета и Малькольма, в галичские и чухломские земли былинных русских богатырей, чтобы потом уже найти пристанище в Москве и Тарханах.

Естественно, из Шотландии я в поисках лермонтовских корней отправился напрямик в костромские края. И не просто в Кострому, а в районный городишко Чухлому, один из символов русской глухомани. Иные читатели этой книги о великом русском поэте Михаиле Лермонтове возмутятся, что это я так долго подбираюсь к самой биографии. К тому же удивятся, откуда взялась Чухлома, во многих биографиях Михаила Юрьевича Лермонтова лишь вскользь пишется о мелком дворянчике из Тульской губернии Юрии Петровиче Лермонтове. Мол, сын небогатых помещиков Ефремовского уезда Тульской губернии, владевший небольшой родовой

деревушкой Кропотово. Никакой тебе Костромы, а тем более Чухломы. Да и в костромских музеях о лермонтовском роде много не говорят, нигде нет ни портретов предков великого поэта, ни даже упоминаний о них.

Уверяю вас, прочитав чуть ли не сотню самых разных, противоречащих друг другу (а порой самому поэту) книг и статей о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, я поразился: лермонтовская родовая линия в исследованиях практически отсутствует. Как началось с лютой нелюбви бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой к отцу поэта Юрию Петровичу Лермонтову, так и до сих пор вычеркивают эти древние лермонтовские корни из его биографии и судьбы. Да еще придумывают разные небылицы о мнимых отцах. Хорошо, что этих мнимых отцов как минимум целая троица, значит, даже обыватель этим версиям не поверит. И потом, откуда «обиженный древний род» у французского лекаря или крепостного кучера, да и чеченский абрек древностью своего рода не прославился. Оставим их для досужих сплетников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.